

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА****SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL****ИСТОКИ И ИЗНАЧАЛЬНЫЙ СМЫСЛ КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ**

DOI: 10.25629/НС.2021.04.01

Бочарников И.В.

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

Аннотация. В статье описываются истоки, сущность и содержание кавказской политики России, ее основные этапы, значение для развития российской государственности и народов региона. Значимость Кавказского региона для интересов и безопасности Российского государства определялась выгодным геополитическим положением региона, представлявшего собой естественный географический транзитный узел, территорию, по которой на протяжении столетий происходила миграция народов и целых цивилизаций с юга на север, с запада на восток и в обратном направлении. С другой стороны, собственно геостратегическое положение Кавказа позволяло контролировать доминирующим в нем государствам прилегающие к региону территории. Данное обстоятельство определило специфику политической истории народов Кавказа. Она являла собой историю войн и вооруженных конфликтов между сопредельными государствами за владение данным регионом и, соответственно, историю борьбы самих кавказских народов за выживание и самобытность. Объективно в эти процессы оказалось вовлечено и Российское государство. Южные и юго-восточные рубежи Русского государства с конца XV века представляли собой обширные степные пространства, по которым постоянно передвигались многочисленные кочевые народы, несшие смерть и разрушение русским городам и селениям. «Логика борьбы заставляла Россию стремиться к установлению стабильных границ, которые можно было бы защищать. Но вплоть до Кавказских гор, Черного и Каспийского морей на юге таких границ не было». Это предопределило вовлечение народов Кавказа в единое общероссийское политическое пространство и принятие мер по обеспечению безопасности России с кавказского направления.

Ключевые слова: Кавказ, кавказская политика, военно-политическая экспансия, отношения России с кавказскими народами, Каспийский поход Петра I, Г.А. Потемкин, Екатерина II, Российская империя, вхождение Грузии в состав России, утверждение России на Кавказе.

Введение

Кавказ всегда играл исключительно важную роль в истории не только государства Российского, но и в целом мировой цивилизации. Здесь формировались истоки человеческой цивилизации, и именно здесь всегда все процессы социально-политического и экономического развития обретали свой импульс и потенциал, распространявшийся на все остальные регионы Планеты.

На протяжении практически всей своей истории Кавказ был объективно вовлечен в процессы военно-политической экспансии и соответственно вооруженного противостояния ей.

Завоевать Кавказ пытались буквально все сопредельные ему государственные и соответствующие им политические образования, ставившие перед собой цель расширения границ своего господства. Так, среди наиболее ранних попыток военно-политической экспансии в регион следует выделить военные походы на Кавказ персидских завоевателей из династии Ахемени-

дов (V – IV века до н.э.). Доминировавшее в II – I веках до н.э. в Причерноморье и на значительной части Северного Кавказа Понтийское царство времен Митридата IV после своего поражения в I веке до н.э. уступило регион Римской империи. В I веке н.э. значительная часть региона оказалась под властью сарматов, в IV – гуннов. В VII веке начинается экспансия на Кавказ арабских халифов. Последующая история региона была связана с господством Хазарского каганата, а с началом монголо-татарского нашествия – тюркских завоевателей от Чингисидов (начало XIII века) до Тимура (конец XIV века). На протяжении последующих XVI – XVIII веков Кавказ стал ареной противоборства между Персидской и Османской империями. И, наконец, со второй половины XVIII века началась полномасштабная военно-политическая экспансия в регион Российского государства. Дважды в своей истории (в V и XIII веках) регион испытал на себе и «великое переселение народов», которые также сопровождались в большей степени акциями военно-силового характера.

Это определило специфику политической истории народов Кавказа, являвшей собой историю войн и вооруженных конфликтов между сопредельными государствами за владение данным регионом и, соответственно, историю борьбы самих кавказских народов за выживание и самобытность. Объективно в эти процессы оказалось вовлечено и Российское государство.

Обсуждение

Первые контакты в военно-политической плоскости Российского государства с государственными образованиями Кавказа уходят своими корнями в далекое прошлое – начало X века. К этому периоду относятся первые военные экспедиции на Кавказ русских князей. Первой такую экспедицию в прикаспийские области современного Дагестана совершил в 914 году Киевский князь Игорь [4].

Покончив со смутой внутри Киевской Руси, вызванной смертью Великого князя Олега, Игорь Рюрикович совершил свой первый большой поход на побережье Каспийского моря.

Для того времени это был уникальный поход, не уступавший по грандиозности замысла походу Олега на Царьград. При этом в организационном плане он был еще более сложен, поскольку предполагал морскую и сухопутную компоненты и осуществлялся более чем за 1.5 тыс. километров от своих территорий.

В 914 году русская рать на 500 больших мореходных кораблях, в каждом по сто человек, спустилось вниз по Днепру к Черному морю. Затем эта огромная флотилия, пройдя вдоль крымского побережья, вошла в Азовское море и поднялась вверх по Дону до его излучины вблизи современной станицы Качалинской Ростовской области.

Здесь ладьи были или поставлены на колеса, или их тащили волоком по каткам из бревен. Таким образом, войско князя Игоря оказалось на Волге. Далее оно беспрепятственно спустилось к ее устью и вошло в Каспийское море.

Экспедиция представляла собой, по сути, вооруженный набег во владения ширваншахов – государство Ширван, являвшееся в тот период наиболее развитым в политическом и социально-экономическом отношении государством Южного Кавказа.

Двигаясь вдоль побережья Каспийского моря, подступы к которому находились под контролем хазар, войско Игоря подошло к Баку.

В качестве платы за «пропуск» хазарам была обещана половина добычи. Добыча действительно была огромной и половину ее русичи, как и обещали, отдали хазарам. Однако отличавшиеся алчностью хазары решили овладеть второй половиной военной добычи русичей и вероломно напали на них.

В результате неравного практического трехдневного сражения большая часть 50 тысячного отряда, которым командовали воеводы Великого князя, была перебита. Удалось прорваться вверх по Волге на ладьях порядка пяти тысячам человек. Но и они подверглись нападению со стороны поволжских народов (буртасов и камских болгар). Таким образом, в результате вероломного нападения русский отряд был уничтожен, а результаты похода были сведены на

«нет». Именно поэтому, по всей видимости, этот поход так и не нашел должного отражения в исторических источниках.

Так же неудачно закончился поход Киевского Великого князя Игоря Рюриковича на Царьград в 941 году. Сведения о нем сохранились не только в древнерусских летописях и трудах византийских историков, но и в писаниях арабского историка Аль-Макина и кремонского епископа Лиутпранда, который изложил на бумаге рассказ своего отчима, бывшего послом в Константинополе и ставшего свидетелем массовой казни Игоревых воинов, захваченных в плен.

Неудача большого похода не остановила князя Игоря в стремлении победно «повоевать» Византийскую империю.

Но перед тем как совершить новый поход на Византию в 943 году, Игорь посылает сильный воинский отряд в кавказские владения Хазарского каганата. Взяв Дербент, а затем Ширван, разгромив по пути войска ширваншаха, по реке Куре руссы поднялись вверх и захватили крупнейший в то время город Закавказья – Берда [9], из которого они ушли на Северный Кавказ, через Дарьяльское ущелье, бывшее во владении союзного им аланского царя [23].

После завершения похода на Каспий наступил и черед Византии. В 944 году Игорь Рюрикович выступил в новый поход на Константинополь с еще более мощной, чем в 941 году силой. Для участия в походе Игорь нанял дружины варягов «из-за моря» и степных конников-печенегов, которые дали ему даже заложников. Также к походу были привлечены северные дружины словен и кривичей и войско днестровских тиверцев. Общая численность собранных к походу войск превысила 80 тыс. воинов.

Киевская рать двинулась в поход морем и сухим путем вдоль берега, переправившись через Дунай. И если о численности русского флота во втором походе нет известий, то русская конница, вместе с союзниками-печенегами, выглядела впечатляюще и могла подвергнуть опустошению европейские провинции Византийской империи. Союзники русских – венгры – также бросили свои лавы под стены Константинополя.

Первыми прислали тревожное известие в Константинополь херсонесские греки. Они извещали императора Романа I Лакапина, что «идут русские – кораблей нет числа, покрыли все море кораблями». Болгары, дружившие тогда с греками, тоже со своей стороны дали весть, что «идут русские, наняли себе и печенегов» [24, 32].

Руководство Византийской империи еще до начала боевых действий осознало всю опасность положения. Вследствие этого император Роман I Лакапин решил не искушать судьбу и поспешил направить навстречу Игорю посольство с просьбой о мире еще до начала войны. Согласно летописным источникам, византийские послы сказали Игорю: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, придем и еще к той дани».

По обычаю, Игорь обратился за советом к дружине. И услышал в ответ: «Чего нам еще нужно, – не бившись взять золото и серебро и паволоки? Разве знает кто, кому одолеть: нам или им? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть» [24, 32]. Князь, последовал совету и, взяв с греков богатые дары на всех своих воинов, согласился прекратить поход и возвратился в Киев.

По сути, была одержана крупнейшая военно-политическая победа. При этом князь Игорь едва ли знакомый с трудами древнекитайского мыслителя и стратега Сунь-цзы, по сути, реализовал на практике один из его важнейших постулатов «Искусства войны» – победить не сражаясь [32].

Летом 944 года Киев и Царьград (Константинополь) обменялись посольствами и заключили новый мирный договор, третий по счету (после договоров 907 и 911 годов) в русской истории.

Договор 944 года Великого князя Игоря с Византией во многом повторял мир князя Олега. Это касалось, прежде всего, тех статей, где говорилось об уголовной ответственности за преступления, пребывании торговых людей и посланников, выкупе русских и греческих пленников, сыске беглых невольников, снабжении экипажей торговых судов, отправлявшихся домой [24, 36].

Более масштабным по характеру и значению были военные экспедиции на Кавказ (964 – 966 годы), осуществленные Киевским князем Святославом Игоревичем, в рамках его знаменитого хазарского похода.

Согласно данным «Повести временных лет» в 964 году дружина Святослава покинула Киев и, поднявшись по реке Десне, вступила в земли вятичей, являвшихся данниками хазар. Не тронув вятичей и приказав им лишь платить дань не хазарам, а Киеву, Святослав вышел на Волгу и двинул свою рать против хазар [24, 44]. В окрестностях Итиля, столицы Хазарского каганата произошла решающая битва, в которой киевские полки разбили и обратили в бегство хазар. Затем он двинул свои дружины против других данников хазар.

На обратном пути Святослав завладел столицей Хазарского каганата на Дону крепостью Саркел. При этом, в отличие от Итиля, Саркел не была разрушена. Святослав превратил ее уже в русскую крепость. Было сохранено даже название, которое просто перевели на русский язык. «Саркел» – означает «Белая вежа» (или Белая башня) [13, 18]. С этого времени в Белой веже обосновался русский гарнизон, а сам город оказался важнейшим центром русского влияния на просторах Великой Степи. В последующем дружины Святослава благополучно вернулись в Киев, не встречая особого сопротивления, поскольку местное население не собиралось воевать за чуждые ему интересы разбежавшихся хазар-иудеев.

Годом позже Святослав подчинил волжско-камских болгар и мордовские племена, повторно разгромив остатки хазарского войска. Выйдя к Северному Кавказу, князь осадил и взял крепость Семендер, победил племена аланов, ясов и касогов, союзников хазар, тревоживших набегами юго-восточные рубежи Руси. На берегах Керченского пролива в захваченном хазарском селении Таматархе он основал форпост русского влияния в этом регионе – город Тмутаракань, центр будущего Тмутараканского княжества. В античные времена Таматарха назывался Гермонасса, византийские греки знали его как Таматарху, а хазары – как Самкерц¹.

После 965 года и до XII века Тмутаракань являлась сильным автономным русским владением на Тамани, конкурирующим с византийскими городами в Крыму, как в геополитическом, так и в торгово-экономическом плане.

Таким образом, в результате восточных походов Святослава Хазарский каганат прекратил существование. Его крушение повлекло за собой тектонические изменения на всем мировом политическом пространстве того времени от Китая до Франции. По мнению Л.Н. Гумилева, с крушение Хазарского каганата утратили поддержку те, кто опирался на помощь агрессивного талмудического иудаизма. Вследствие этого «во Франции потеряла позиции династия Каролингов, принужденная уступить гегемонию национальным князьям и феодалам, в Китае отдельные мятежи переросли в агрессивность и национальную исключительность новорожденной династии Сун, начались проблемы и в Арабском халифате, утратившем влияние над Египтом» [10].

Крушение Хазарского каганата, таким образом, имело историческое значение для ведущих государственных образований Европы и Азии, а также в целом для развития мировой истории и цивилизации.

Но наибольшее значение это событие имело для Руси. Разгром Хазарского каганата Святославом обеспечил безопасность восточных и южных границ Руси. Помимо этого, была обеспечена возможность свободной торговли русских купцов с восточными государствами, поскольку по территории, некогда контролируемой Хазарским каганатом, проходил важнейший торговый путь того времени – Великий шелковый. Все это благоприятно сказывалось на экономике Киевской Руси и способствовало укреплению позиций Древнерусского государства в системе международных отношений того времени.

В последующем из-за феодальной раздробленности и вассальной зависимости от Золотой Орды Древняя Русь не могла осуществлять активную внешнюю и военную политику, в том числе и на кавказском направлении.

Лишь с началом формирования Российского централизованного государства, с конца XV – начала XVI веков проявляются интересы России к Кавказу и начинают выстраиваться отношения с государственными образованиями региона.

Изначально они обрели торгово-экономический и политический характер. Наиболее плодотворными в этот период стали отношения с Ширванским государством, в котором уже в XV веке было развито шелководство, ремесла и торговля, связанные с этими промыслами. В столице этого государства – Шемахе и в морском порту Баку были большие караван-сарай, базары, процветала торговля, в том числе морская [29, 9].

В 1466 году в Москву прибыл из Ширвана посол Хасан-бек. В ответном посольстве вместе с послом Великого князя В.Паниным в Ширван направились и русские купцы во главе с Афанасием Никитиным. Именно с Кавказа – Ширвана – и начиналось его знаменитое «Хождение за три моря».

В 1475 году русское посольство было направлено и в другое государственное образование региона – Ак-Коюнлу – конфедерация тюркских народов на территории современного Азербайджана, Северного Ирана и Восточной Анатолии. Помимо этого, русские посольства были направлены и в другие государственные и территориальные образования региона.

Наиболее же тесные отношения в конце XV столетия складывались у Великого княжества Московского с Ширваном. В 1494 году в Москву прибыло очередное посольство ширваншаха уже непосредственно с предложением дружбы и торговли.

В этот же период устанавливаются дипломатические отношения России с Грузией, или как ее тогда называли, с Иверской землей [29, 10]. Согласно летописным источникам в 1492 году в Москву прибывает посольство от кахетинского царя Александра I. Официальным поводом для отправки посольства стало желание уведомить российское руководство о его вступлении на престол. В то же время очевидным было то, что руководство этого грузинского царства, оказавшегося между двумя крупными региональными державами того времени Персией и Османской империей, стремилось найти поддержку и заступничество у Великого Московского княжества, ставшего к этому времени одним из значимых международных акторов в Восточной Европе. Но у молодого российского государства, только вставшего на путь собирания земель, тогда еще не было достаточно ресурсов для оказания помощи столь отдаленным государствам.

Распад Золотой Орды, ликвидация Казанского и Астраханского ханств обратил внимание российского руководства на Кавказ. По свидетельству автора исследования «Кавказская война» В.А. Потто, практически все российские государи, начиная с Ивана Грозного, стремились к утверждению своей власти на Кавказе. «Мысль о господстве на Кавказе становится наследственной в русской истории» [27]. Сам Иоанн IV, в период царствования которого устанавливаются контакты с правителями государственных образований региона, одним из первых предопределил и военное значение Кавказа для России.

Во многом этому способствовало покорение Казанского и Астраханского ханств и включение их в состав возрождающегося Русского государства. Важнейшим значением этого стало не только устранение угрозы набегов с этих направлений, но и выход России к берегам Каспия, что способствовало развитию торгово-экономических отношений с Персией, центрально-азиатскими государствами и Индией. Принципиально важным для России был также выход к Кавказу, где в этот период происходила консолидация горских народов в борьбе с Турцией и вассальным ей Крымским ханством, стремившихся к их захвату и порабощению. Аналогичные планы были и у Ирана.

В России горские народы видели естественного союзника в борьбе с экспансией Турции и Ирана. Поэтому важнейшим фактором, обусловившим движение России на Кавказ, стало обращение к российскому руководству представителей народов региона и, прежде всего, со стороны кабардинских князей.

Одним из первых князей, осознавших необходимость сближения с Россией и противодействия Турции и Крымскому ханству, был старший князь Темрюк. Несмотря на сопротивление ряда феодалов, ориентированных на Турцию и Крым, князь Темрюк стремился к союзу с Россией. В 1552 году в Москву прибыло первое кабардинское посольство, а в 1555 году – уже второе, более масштабное, во главе с князем Сибкомом. Посольство просило помощи в предстоящем походе на владения Крымского ханства.

Но наиболее важной датой в процессе утверждения позиций России на Кавказе стал 1557 год, когда в Москву прибыло посольство князя Темрюка и князя Тазрюта с просьбой о подданстве России. В Москве положительно отнеслись к этой просьбе, поскольку она соответствовала планам Ивана Грозного в отношении Кавказа.

Таким образом, именно 1557 год следует рассматривать как дату добровольного присоединения Кабарды к России. С этого времени начинается процесс тесного сближения не только с кабардинскими обществами, но и другими народами Кавказа.

Примечательно, что представитель кабардинского посольства 1557 года заявил Ивану Грозному, что вместе с кабардинцами «в одной правде и в заговоре иверский князь и вся Иверская земля, и государю с ними же челом бьют, чтоб государь царь и великий князь их по тому же пожаловал, как и тех всех» [26, 284].

Принятие Кабарды в подданство России послужило поводом для аналогичных обращений к Московскому царю со стороны правителей других государственных образований – тарковского шамхалата, тюменского князя² и других [29, 28].

Немаловажное значение имело также учреждение Астраханского казачества, сыгравшего в последующем знаковую роль в утверждении позиций России на Кавказе.

В 1563 году порядка 500 астраханских казаков были направлены на Кавказ, а уже в 1572 году по указанию Ивана Грозного на реке Сунжа во владениях кабардинских князей был заложен Терский городок, в который были заселены казаки.

В течение продолжительного времени данный городок являлся форпостом России на Кавказе, задача которого заключалась в контроле над развитием военно-политических процессов в регионе и предупреждении внезапных нападений на Русскую землю. Значение Терского городка подтверждается также и тем, что его существование на территории, фактически являющейся подвластной Турции, в 1571 году едва не стало причиной русско-турецкой войны. Турция имела свои виды на Северный Кавказ и непосредственно на Кабарду, являющуюся наиболее развитым и, что самое важное, ключевым и центральным государственным образованием в регионе, считала ее подвластной себе и поэтому не могла принять протекторат над ней России [30, 586]. Лишь прямая угроза объявления войны со стороны Османской империи заставила русское правительство разрушить Терский городок. Но уже в 1578 году он вновь был восстановлен и продолжал в дальнейшем выполнять функции сторожевой заставы. В этой акции московского правительства отразилось стремление отражать агрессию Турции и подвластных ей государственных образований в регионе уже за пределами Русской земли.

Федор Иоаннович, продолжая дело отца, уже подписал договор с кахетинским царем Александром III, по которому Кахетия (в российских документах того времени – Иверская земля) [4], переходила в полное подданство России, определив таким образом положение этого грузинского царства как вассального от России. Причем инициатива о вассалитете исходила от самого царя Александра, опасавшегося мщения Персии за склонность к туркам и пытавшегося использовать Московское царство для освобождения Кахетии. С этой целью в Москву было направлено посольство с просьбой к царю Федору Иоанновичу принять Кахетию под свою высокую руку и тем исхитить ее из рук неверных. «Настали, – писал он, – времена, ужасные для христианства; мы, единоклубные братья христиан, стенаем от злочестивых; один ты, венценосец православия, можешь спасти нашу жизнь и душу; бью тебе челом до лица земли, да будем твои во веки веков» [27].

Сложившийся кратковременный военно-политический союз Московского царства и Кахетии в тот период был направлен против шамхалата Тарку, который в указанный период одинаково угрожал интересам и безопасности как Грузии, так и южным провинциям России. Для Грузии угрозу представляли систематические набеги с территории шамхалата, укоренившаяся практика работорговли ее населением и постоянные опустошения, особенно Кахетии. Для России соседство шамхалата определяло небезопасное положение Астрахани и других южных городов. Поэтому целью первой экспедиции русских войск на Кавказ, возглавляемой воеводой

А.И. Хворостинным, было низложение тарковского шамхала и возведение на престол шамхалата родственника кахетинского царя Александра. Тем самым впервые была сделана попытка прорвать экономическую и политическую блокаду России, а также решить проблему обеспечения военной безопасности южных рубежей Российского государства посредством установления в регионе (на территории современного Дагестана) лояльного для себя политического режима. Экспедиция А.И. Хворостина не достигла намеченных целей, потерпела поражение. Не дождавшись обещанной помощи от Александра, русские вынуждены были самостоятельно отражать нападения войск шамхала. В результате практически полностью трехтысячный отряд Хворостина был уничтожен, в живых осталась лишь четвертая часть воинов.

Преждевременное вмешательство в дела Закавказья, переоценка сил союзников и своих собственных дорого обошлись Москве. Было очевидно, что Московское государство в конце XVI века еще не могло поддерживать такие отдаленные владения. Тем не менее, в полном титуле Федора Иоанновича уже значился титул «государя земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей» [30, 586].

Борис Годунов, несмотря на сложную внутривосточную обстановку в стране, продолжил политику, направленную на развитие отношений и оказание помощи отдельным грузинским государствам, в том числе Кахетии. В 1604 году им была вновь направлена военная экспедиция в Тарки во главе с воеводами И.М. Бутурлиным и В.Т. Плещеевым. Цели были аналогичными предыдущим. Отряду, возглавляемому И.М. Бутурлиным, пришлось в Дагестане столкнуться уже непосредственно с турецкими войсками. С их помощью кумыками весь его семитысячный отряд был полностью уничтожен. Причины поражения были те же, что и у отряда воеводы А.И. Хворостина, – не оказанная вооруженная помощь со стороны кахетинского царя. Для правителей региона, находившихся между «двух огней в лице Турции и Персии, уже тогда была характерна практика решать вопросы посредством использования внешней военной силы. Эта роль, безусловно, предназначалась России.

Дальнейшее развитие событий в Кахетии (убийство царя Александра, переориентация захватившего престол его сына Константина на Персию) временно ослабили российско-кахетинские политические отношения.

В целом же, тенденцию российских военно-политических устремлений на Кавказ, закрепления в регионе, а также практику вмешательства во внутренние дела Персии, вассальными которой являлись и Восточная Грузия, и Тарковский шамхалат, прервал лишь Михаил Федорович Романов, в царствование которого предстояло преодолеть последствия «Смуты на Руси». В общем-то, в политической практике российского государства это был один из редких случаев сосредоточения на внутренних проблемах, период интровертности общества. Именно этим и объясняется осторожность в кавказских делах Михаила Романова, в царствование которого хотя и восстанавливаются связи с представителями ряда грузинских династий: Леваном I Дадияни – правителем Мигрелии и Теймуразом I Кахетинским. Но отношения носят сдержанный характер и прерываются, в конечном итоге вследствие того, что на престолах ведущих государственных образований Грузии – Кахетинского и Картлийского царств по решению шаха Аббаса I могли быть только цари мусульманского вероисповедания. Таким образом, почва для поддержки единоверных народов, что было существенно, была ликвидирована.

В рассматриваемый период основной акцент во внешнеполитической деятельности России на ее южном, кавказском направлении, делается на противодействие военно-политической экспансии Турции посредством установления военно-политического «союза» с Персией, значительно обесиленной уже к исходу XVI века. Османская же империя на рубеже XVI – XVII веков стала представлять одинаковую угрозу и Персии, и южным рубежам России. Например, требования к Персии заключались в установлении турецкого протектората над всем Закавказьем и Дагестаном; обеспечении контроля Турции над транзитом шелка и других товаров из Персии и Индии в Европу, представлявших к тому времени значительный источник дохода. К России выдвигались требования восстановить Астраханское ханство. Поэтому данный альянс был взаимовыгоден. Вследствие этого, уже шахом Годабендом после поражения Персии в 1586 году мос-

ковскому царю были обещаны Баку и Дербент, а его сын шах Аббас Великий, кроме того, уступал и Кахетию в обмен на помощь России в борьбе против Турции [25] с тем, чтобы они не достались Оттоманской Порте (еще одно название Османской империи – Турции).

Большую роль в сближении Московского царства и Персии сыграл подписанный в 1567 году торговый договор между русским правительством и представителями джувльфинской торговой компании [20], закрепивший торгово-экономические отношения между странами. В 1673 этот договор был вновь подтвержден, а в 1717 году русский посланник в Персии А.П. Волынский заключил русско-персидский договор, согласно которому русские купцы получили право свободной торговли на территории Персии. И хотя данные акты не давали основания перевести отношения между Россией и Персией в военно-политическую плоскость, тем не менее, можно утверждать, что торгово-экономический союз России с Ираном сыграл свою позитивную роль: Турции не удалось закрепиться в Восточном Закавказье.

Таким образом, основная потребность Российского государства, определявшая его интересы на Кавказе на данном этапе, заключалась в обеспечении военной безопасности, что представляло собой задачу стратегического характера всей военной политики России. Не менее значимыми были и потребности России в установлении дипломатических и иных контактов с рядом закавказских государственных образований, в создании торгово-экономического союза с Персией, с целью уравновесить военно-политическую мощь Османской империи в регионе. Военные экспедиции России на Кавказ в рассматриваемый период время были единичными, не опирались на весь потенциал государства. Более того, зачастую они имели характер военно-политических акций, осуществленных населением приграничных регионов, его добровольческими формированиями, в частности казачеством.

Характерной чертой развития казачество в этот период являлось то, что оно не только выполняло оборонительные функции, но и само осуществляло вооруженные набеги – военные походы, причем не только против кочевников, но и во владения турецкого султана и персидского шаха.

Чего стоит, например, поход Степана Разина «за зипунами» (1668 – 1669 годы) по побережью Каспийского моря, в результате которого под натиском казаков пали железные ворота Кавказа – неприступная крепость Дербент, ставший на некоторое время базой для набегов «за зипунами» для казачьей судовой рати на персидский берег. А в окрестностях Баку разинцами был оборудован целый казачий городок, откуда они осуществляли свои набеги, в том числе и морские. В числе разоренных городов оказались богатые торговые Шемаха и Решт. Богатую добычу казаки взяли в поселениях Гилянского залива и туркменских берегов, в окрестностях Баку и при этом освободили немалое число русских пленников, находящихся здесь в рабстве.

На протяжении двух лет отборные персидские войска ничего не могли сделать с казаками атамана С. Разина. В ходе боев с разинцами персидские воинские отряды неизменно подвергались разгрому.

В конечном итоге, продержав практически два года (1668 – 1669) в постоянном напряжении владения персидского шаха, казаки с триумфом вернулись на Дон.

Немалое беспокойство казаки, особенно запорожские, доставляли и Османской империи, а также ее вассалу – Крымскому ханству. В ответ на татарские набеги, поддерживаемые Турцией, казаки совершали сухопутные и морские рейды в Крым и Турцию. Запорожцы спускались вниз по Днепру в Черное море на казацких лодках «чайках», опустошали татарские и турецкие владения, совершая при этом даже дальние рейды через Босфор в Средиземное море. В 1605 году казаки взяли турецкую крепость Варну, в 1616 году овладели Синопом и Трапезундом, а уничтожив турецкий флот, взяли Кафу (Феодосию). При этом они освобождали тысячи христианских пленников. Именно таким образом казачество отвечало на грабительские набеги на южнорусские земли.

Это особенно проявилось в ходе так называемого «Великого Азовского сидения» – взятие и оборона крепости Азов (1637 – 1642 годы) – «Великое Азовское сидение».

Азов, которым Турция владела с 1471 года, был превращён в сильную и хорошо укрепленную крепость. Из Азова отряды турок, крымских татар и ногайцев регулярно совершали грабительские опустошительные набеги на южные земли России, увозя в плен тысячи пленных, которых затем продавали в Азове в рабство восточным купцам. Таким образом, для южных границ России Азов был постоянным источником военной угрозы. И турки, и казаки понимали значение Азова как важного стратегического центра. Ведь тот, кто владел Азовом, господствовал на всём Дону, Нижнем Днепре и Северном Кавказе. Поэтому казакам был нужен Азов для того, чтобы обезопасить себя и южнорусские земли от турецких вторжений. Турецкое же руководство осознавало, что утрата Азова приведёт к утрате политического влияния Турции на Северном Кавказе, поэтому оно стремилось истребить всех донских казаков, после чего присоединить к Турции Казань и Астрахань.

Решение о походе на Азов и его взятии было принято в январе 1637 года на казачьем войсковом кругу. Походным атаманом круг выбрал Михаила Ивановича Татаринова.

21 апреля 1637 года казачье войско подошло к Азовской крепости, гарнизон которой составлял 5,5 тыс. чел. и имел на вооружении 200 пушек против 90 пушек у казаков. Попытка взять штурмом крепость была отбита, поэтому было принято решение осадить крепость. На протяжении трех месяцев велась осада Азова, причем велась по всем правилам военного искусства. Город был окружен рвами, были сооружены насыпи, на которые были установлены пушки. Одновременно с этим осуществлялся подкоп под городские стены.

18 июня 1637 года, одна из стен была успешно взорвана и казаки через образовавшийся пролом ворвались в крепость. На улицах Азова началась кровопролитная рукопашная схватка, длившаяся три дня. В итоге весь турецкий гарнизон был уничтожен. Казаки пощадили только женщин, детей и греков. Что касается потерь казаков, то они потеряли убитыми 1100 человек. Взяв Азов, казаки освободили 2000 русских невольников, находящихся в рабстве у турок.

Узнав о захвате казаками Азова разгневанный султан Турции Мурад IV, послал Московскому царю с послом грамоту с жалобой на действия казаков. В ответ царское правительство, не желавшее войны с Турцией, заверило султана в своей непричастности к казачьему походу.

Сами же казаки объявили Азов вольным городом и предполагали сделать его столицей Донского казачества.

Взятие Азова явилось для Турции серьезным вызовом не только в военном, но и в геополитическом отношении, нанесло удар по имиджу. Поэтому уже с лета 1637 года стали предприниматься попытки военно-силового захвата крепости.

Сначала для этой цели были мобилизованы силы Крымского ханства и Ногайской орды, а в 1641 году под стены Азова подтянулись отборные турецкие войска. Общая численность группировки турецких войск составляла более 60 тыс. человек, включая 6 тыс. немецких наемников. Азов же обороняли не более 5 тыс. казаков.

Несмотря на численное превосходство, туркам так и не удалось взять штурмом крепость, началась осада Азова. В этих условиях казаки обратились к царю Михаилу Федоровичу с просьбой принять Азов в состав России [13].

Угроза войны с Турцией в условиях, когда Московское царство еще не оправилось от последствий Смуты начала XVII века, вынудило Михаила Федоровича отказаться от предложения казаков, несмотря на то, что Земской собор, специально собиравшийся в январе 1642 года по данному вопросу, рекомендовал царю принять Азов. Тем не менее, страна к войне была не готова. 10 мая 1642 года казаки оставили крепость Азов, предварительно разрушив ее укрепления.

В целом, интересы России на кавказском направлении в тот период носили охранительно-оборонительный характер, в частности, в области отношений с Персией и Турцией. В отношениях же с восточно-грузинскими государствами интересы России определялись необходимостью патронирования единоверному народу.

Следует отметить, что в данный период шел процесс активного поиска и установления политических контактов с московскими царями самих представителей правящих династий и духовенства ряда полуассальных грузинских царств и княжеств. С Арменией же, находившейся в полной зависимости от Турции и Персии и лишенной даже элементов государственности, контакты осуществлялись на уровне купечества. Слабо развивались контакты Российского государства с азербайджанскими ханствами, хотя именно здесь были сосредоточены экономические и торговые интересы Московского царства, определявшиеся наличием в Прикаспии традиционных торговых путей России.

Важнейшее направление интересов Московского государства – обеспечение военной безопасности – определялось необходимостью устранения непосредственной военной угрозы жизненно важным центрам страны. Но поскольку отодвинуть рубежи Российского государства далее на юг не представлялось возможным, проблема обеспечения безопасности решалась посредством поиска союзников в регионе.

Для проведения более активной военной политики в регионе у России в этот период не был сил и средств. Численность ее вооруженных сил, по свидетельству В.О. Ключевского, к исходу XVII века составляла порядка 65 тысяч человек. Из них лишь от 5 до 7 тысяч человек были сосредоточены на всем южном направлении [15, 199]. Приведенные цифры, анализ состояния вооруженных сил России во второй половине XVII века свидетельствуют, что у Московского государства не могло быть в этот период интересов экспансионистской и, тем более, колониальной направленности. Это стало возможно лишь в царствование Петра I, с укреплением военно-политического могущества России и, прежде всего, с созданием современной регулярной армии, военно-промышленного комплекса, в целом, военно-политического потенциала Российского государства.

С началом эпохи Петра I заканчивается период преимущественно оборонительных войн России. С обретением Россией статуса империи (в 1721 году) ее интересы обретают экспансионистскую направленность. Характер экспансии определялся потребностями как экономического развития страны, так и необходимостью прорыва морской блокады и обеспечения прямого выхода к морям, в том числе Черному и Каспийскому. Иными словами, важнейшими целями политики Российского государства периода Петра I было создание условий для свободной и безопасной торговли России с другими странами. В этой связи Петр I, наряду с балтийским направлением, определил задачу укрепления позиций России на Каспийском побережье и обеспечения торговли с Востоком.

Практическая реализация вышеуказанных интересов Российского государства в регионе выразилась в приобретении прикаспийских провинций Дербента и Гиляни, осуществленном в процессе, так называемого, каспийского похода Петра I в 1722 – 1723 годах. Примечательно в этой связи то, что цели данной военной кампании не содержали стремления нанести поражение Персии или отторгнуть какую-либо часть ее территории. Обретены были лишь территории, добровольно уступаемые шахским правительством, не способным контролировать развитие ситуации в данных провинциях, в целях недопущения турецкой оккупации.

Непосредственной же причиной каспийского похода России явилась военно-политическая нестабильность в северных персидских провинциях, вызванная восстанием лезгинского хана Дауд-бека. Поэтому очевидно, что следствием данного похода стала поддержка Россией персидской государственности, поскольку сам хан Дауд-бек с подконтрольной ему территорией стремился перейти в подданство к Османской империи. Это противоречило интересам не только Персии, но и России, так как реализация такого плана сделала бы возможной «кольцо» Турции по всему периметру южных границ России, поставила бы под угрозу торговые пути из Индии и Персии в Россию и далее в Европу. Формальным поводом для похода явилось разграбление лезгинами Дауд-бека центра русской торговли в Персии – Шемахи – столицы Ширвана. При этом пострадали и русские купцы, лишившиеся своих товаров. Это и стало формальным поводом для похода Петра на Кавказ. Просьбы руководителей повстанцев принять их в российское подданство не возымели действия. Тогда они обратились за покровительством к Турции, которая ответила на это весьма благосклонно и начала военную подготовку к своему

утверждению на Кавказе. Но Петр решил опередить турок. Летом 1722 года император отправился в Каспийский (Персидский) поход. Его войско насчитывало около 100 тысяч человек. Флот под командованием адмирала Апраксина состоял из трехсот кораблей.

Реакция на движение 100-тысячной русской армии от Аграханского залива на Сулак у большинства местных владетелей (за исключением Эндирея) оказалась выжидательной или благожелательной. 6 августа на Сулаке армию Петра I встречали шамхал Адиль-Гирей, а ксаевский владетель Султан Махмуд и кабардинские князья Арслан-бек Кайтукин и Эльмурза Черкасский [7, 23]. 12 августа русская армия без задержек подошла к Тарки, благодаря тому, что «на путях перехода от Сулака в Дагестан на каждой стоянке по приказанию шамхала принимались меры в отношении воды, фуража и прочего снабжения» [29, 59].

16 августа во главе всей армии Петр I направился в Дербент, от жителей которого было получено письмо: «По оною Вашего величества указу и манифесту служить и по нашему желанию в послушании пробывать за потребность рассуждаем, а мы бы бедные милосердным Вашего величества охранением изысканы были» [3]. 23 августа за версту до города Петра I приветствовала делегация дербентских жителей с вручением серебряных ключей от дербентских ворот. Сообщая об этом лично в Сенат, царь подчеркивал: «Правда, что сии люди нелицемерною любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили» [28, 379]. Дербентский наиб³ Имам Кули-бек за мирную сдачу крепости был назначен правителем города, пожалован чином генерал-майора и постоянным годовым жалованьем. Оставив комендантом Дербента исследователя Каспия полковника Юнгера, Петр выступил к лагерю на р. Милюкент, откуда был намерен совершить поход в Баку для строительства крепости у устья р. Куры.

Царь был доволен успешным ходом операции, о чем он сам извещал Сенат: «Дорогою все сидели смирно и от владельцев горских приниманы приятно лицом» [28, 379]. Убедившись в бесперспективности сражения с русской армией, остальные горские владетели остались в стороне, выразив нейтралитет или видимую покорность царю.

В то же время ряд факторов заставили Петра I отказаться от продолжения похода. К таковым, прежде всего, следует отнести крушение в море двух продовольственных эскадр, косившая солдат эпидемия чумы и падение лошадей. Помимо этого, итоги похода резко обострили отношения с Турцией, война с которой для России тогда была преждевременной.

Учитывая этот фактор, покидая Кавказ, Петр I провел ряд важных мероприятий, направленных на сохранение здесь российского влияния. В конце августа – начале сентября по его указанию на Учинском валу близ устья р. Аграхань были построены укрепления и провиантские склады, получившие название Аграханский транжамент или Ставрополь. Специальной грамотой от 1 сентября 1722 года он взял под покровительство российской короны табасаранского кадия Рустема и майсума Махмуд-бека. Немногим позже от владетелей Кайтага и Бойнака были взяты аманаты в знак верности России. По выбору самого царя на Сулаке была заложена новая крепость Святой Крест (ныне г. Буденновск – И.Б.), ставшая в дальнейшем новым центром российского влияния на Кавказе [11]. Тарковский правитель Адиль-Гирей был утвержден в звании шамхала Дагестана с подчинением ему всех местных правителей.

Назначив командующим всеми оставшимися в Дагестане гарнизонами генерала М.А. Матюшкина, 29 сентября 1722 года Петр I основные силы привел в Астрахань.

Обеспечив безопасность важнейшей южной коммерческой магистрали, Петр I тем самым «прорубил окно в Азию» (символически это было сделано в землянке в г. Петровске, ныне Махачкала). Особое значение для России имело присоединение крупных портов Дербента и Баку. «Петр был так обрадован приобретенными успехами, что произвел командовавшего этой операцией М.А. Матюшкина в генерал-лейтенанты и, поздравляя его с победами, писал, что более всего доволен приобретением Баку, «понеже она составляет всему нашему делу ключ» [25, 27]. Со взятием Баку и последующей оккупацией южного побережья Каспия (провинция Гилян) двумя батальонами подполковника Шипова Каспийское море стало практически внутренним морем России. Исключение составляло лишь его восточное побережье, которое контролировалось туркменскими племенами. Безопасность судоходства и торговли в регионе для России была

обеспечена. Кроме того, Каспийское море представляло собой удобный и долгое время единственный вид коммуникаций, используемый российскими войсками для подвоза провианта и других ресурсов, в целом для осуществления военно-политических акций в Закавказье.

В 1723 году Персия вынуждена была подписать Петербургский договор, по которому Россия получила весь западный берег Каспия, включая некоторые иранские провинции. Практическое значение присоединения к России каспийского побережья – территорий современного Азербайджана и Дагестана – выходит за рамки простой аннексии. Во-первых, с подчинением Российской империи шамхалата Тарку была обеспечена безопасность поселений в Астраханской и других южных губерниях страны. Набеги горцев Северного Кавказа, грабивших население, уводивших его в плен с последующей работорговлей, прекратились, по крайней мере, на какое-то время. Таким же образом были обеспечены свобода и безопасность российской торговли на юге. Зарождавшийся отечественный капитал уже тогда был сориентирован на текстильную промышленность, следовательно, на сырье, поставляемое большей частью армянскими купцами из Ирана и Индии. В этом были заинтересованы также армянские общины, обретшие к тому времени прочное положение при дворе шах-ин-шахов Тахмаспа, а затем и Надира и, конечно же, само персидское купечество. Торговля шелком в России и транзит товаров через нее, а не через Турцию предполагали не только ее свободу и безопасность, но и обеспечивали высокие прибыли, в том числе и российской государственной казне. Поэтому еще указом царя Алексея Михайловича армянские и персидские товары практически не облагались пошлиной в России [19, 234]. Это также способствовало пополнению государственной казны, три четверти бюджета которой при Петре I шло на содержание армии [18, 21].

Во внешнеполитической области Петр I, верный себе, и в Закавказье попытался реализовать коалиционную политику и принцип «баланса сил». В результате период его царствования характеризуется обострением противоречий между Турцией и Персией, в разрешении которых Россия выступала посредником, что давало преимущества для реализации ее собственных интересов.

В целом, программа Петра I в отношении Кавказа предполагала «распространение влияния России в направлениях: от Азова до Кубани, от Астрахани к центральным «шелковым торгам» Ирана и от Пятигорска до Тифлиса – центра Грузии» [8, 59].

Первым из русских государственных деятелей Петр I оценил значение Кавказа как одного из возможных театров военных действий против Турции. Он же учел, какие преимущества может дать России союз борющихся против турецкой экспансии христианских народов [33, 32]. В частности, каспийский поход Петра I вселил надежду на освобождение и оживление национально-освободительного движения в Грузии и Армении. С предложением о совместных действиях против Турции, а также и Ирана к Петру I обращались царь Кахетии Вахтанг VI и ряд других правителей Закавказья. Царем Вахтангом в это время вновь был поднят вопрос о подданстве Грузии Российской империи. Однако Петр I посчитал, что у России недостаточно сил для ведения войны на два фронта. С севера по-прежнему угрожала Швеция, объявившая в период похода Петра мобилизацию, а Османская империя, несмотря на ее внутривнутриполитические кризисы, была еще достаточно сильной, что показали азовские походы царя. Поэтому Петр I не дал втянуть Россию в военные действия против Турции, несмотря на обещавшуюся ему помощь. И только лишь по окончании похода он поручил А.И. Румянцеву при определении границ изучить также возможность похода в Армению и Грузию, силы и возможности армян и грузин. Для организации и координации национально-освободительного движения в Армению Петром I был направлен его «советник по Кавказу» И. Карапет, а в Грузию к царю Вахтангу VI – поручик гвардии И.А. Толстой.

По результатам каспийского похода в 1724 году с Турцией был заключен Константинопольский договор [35, 195], разграничивавший владения России, Турции и Ирана в Закавказье. По договору Турция признавала аннексированные Россией территории как добровольно уступленные шахом. За Россией закреплялись 119 верст у Дербента и 43 версты у Шемахи.

В процессе подписания договора Россия, в лице своего посла И.И. Неплюева, выступила против предложения Турции об уничтожении Персии как государства и разделе ее владений.

Это не отвечало интересам России, в данном случае ей пришлось бы одной противостоять Османской империи не только на юго-западном направлении, но и по всему югу.

В военно-политическом плане каспийские провинции для России стали играть роль плацдарма, передового рубежа, отводившего угрозу от собственно российских территорий. В целях непосредственной охраны южных рубежей Российского государства генералом В.Н. Татищевым по указанию Петра I была создана Кавказская оборонительная линия – система кордонных (пограничных) укреплений русских войск на Кавказе – так называемые Кавказские укрепленные линии. Первым таким элементом кавказских укрепленных линий стало строительство крепости Св. Креста в устье реки Сунжа по прямому указанию Петра I. В 1735 году, когда была построена крепость Кизляр, Кавказская укрепленная линия приобрела свое функциональное предназначение, связав воедино ряд крепостей и станиц центрального Кавказа. В 1763 – 1769 годах линия укреплений доведена до крепости Моздок (сооружена в 1763 году), а в 1777 – 1790 годах – через Ставрополь до крепости Азов (сооружена в 1763 году). Правый фланг Кавказских укрепленных линий к 1792 году был перемещен на р. Кубань, а центр к 1798 году продвинут до Пятигорска, станицы Баталпашинской (ныне г. Черкесск). В 1784 году были сооружены укрепления и по Военно-Грузинской дороге, включавшие крепость Владикавказ. К 1785 году все укрепления составили единую Кавказскую линию.

В последующем эта линия играла роль военной базы, поскольку именно отсюда уже направлялись Россией военные экспедиции в Грузию и в Армению для ведения боевых действий с Ираном и Турцией. Для сообщения Кавказской линии с Грузией, в частности с Тифлисом (Тбилиси), ставшим к тому времени резиденцией командующего Кавказским корпусом, в 1799 году была проложена Военно-грузинская дорога (в Закавказье она долгое время именовалась русской дорогой).

Период с 1725 года, после смерти Петра I, вплоть до середины столетия характеризуется внутренней нестабильностью в самом Российском государстве, откатом военно-политических устремлений России, в том числе и на кавказском направлении. В это время Россия в течение десяти лет последовательно возвращала Ирану завоеванные в каспийском походе провинции. В конечном итоге по Рештскому договору 1732 года Ирану были возвращены последние провинции на Кавказе, а русские войска были выведены за пределы Кавказской линии.

Императрица Елизавета Петровна во внешнеполитической деятельности была больше ориентирована на Запад, а не на Юг. Поэтому период ее царствования характеризуется сдержанностью к состоянию и развитию политической обстановки в Закавказье, несмотря на активизацию усилий грузинских царей Теймураза II и Ираклия II, направленных на сближение с Россией.

Военно-политические планы Петра I в Закавказье нашли свое отражение лишь в замыслах Екатерины II и ее окружения, превзошедших по грандиозности и масштабности даже самые смелые петровские начинания. В первую очередь это касалось реализации так называемого «греческого проекта», в котором отражались стратегические интересы – воссоздать путем нанесения поражения Турции, Греческой империи под протекторатом России, Черное море предполагалось сделать ее внутренним морем. Сам же греческий престол в Константинополе предназначался внуку Екатерины – Константину. Планы по реализации этого грандиозного проекта потребовали изменить и направление активизации усилий России на Кавказе. Уже не каспийское направление, предопределенное Петром I, становится приоритетным для России, а черноморское. Грузия в данном случае приобретала стратегическое значение в планах российского руководства. «Ориентация России на Грузию вызывалась различными мотивами: и военно-стратегическим положением Грузии в Закавказье, и возможностью установления постоянного сообщения по Военно-грузинской дороге между Северным Кавказом и Закавказьем (без Грузии это исключалось), и наибольшей ущемленностью Грузии от внешних врагов, заставлявшей ее устойчивее, чем другие районы Закавказья, придерживаться российской ориентации, и, наконец, наличием государственности, пусть без политического единства, и «деградирющей», но ведущей государственной организации на Кавказе, позволявшей осуществить России свои замыслы» [8, 10].

Важнейшим достижением политики России на юге стал выход к Черному морю, закрепление здесь своих позиций, и, следовательно, обретение Российским государством статуса черноморской державы. Вместе с тем решение этой важнейшей задачи неизбежно ставило целый комплекс следующих проблем. «Корабль, вышедший из любого города, лежащего на берегу Черного моря, пройдя проливы, мог достигнуть любого порта мира; но достаточно было запереть Босфор, и Черное море превращалось в закрытое озеро, изолированное от всех нечерноморских стран» [16]. Поэтому обеспечение свободного прохода российских кораблей через проливы Босфор и Дарданеллы стало основой всей последующей восточной политики России. Кавказ в решении данной проблемы рассматривался как важный стратегический плацдарм России.

В этой связи уже по инициативе российского двора (в частности, Г.А. Потемкина) активизируются отношения с грузинскими царями: первоначально с Соломоном I (царем Имеретии), а затем и Ираклием II (царем Кахетии, а после смерти Теймураза II – и Картли).

Внимание российского руководства в Закавказье, было обращено также и к Армении, к правителям Кубы, Ширвана, Карабаха, Гянджи и других ханств, подвластных Персии.

О значимости Закавказья в планах российского руководства свидетельствует тот факт, что курировать вопросы, связанные с этим регионом, было поручено князю Г.А. Потемкину (одному из авторов «греческого проекта»), который для подготовки и реализации военно-политических планов Екатерининского двора вызвал в 1780 году в Астрахань А.В. Суворова.

Деятельность А.В. Суворова в Закавказье заслуживает отдельного исследования. Здесь великий полководец показал себя не только военным гением России, но и искусным политиком. Для роли военного атташе России на Кавказе А.В. Суворов подходил больше, чем кто-либо другой. Через него шли неофициальные дипломатические контакты русского двора с правителями Карабаха, Кубы, Ширвана и других провинций Ирана. А его связи с представителями армянских общин, меликами (правителями) Карабаха, зародившиеся еще в период депортации армянского населения из Крыма в Екатеринославскую губернию, были обусловлены их безграничным доверием. И поэтому Суворову удалось создать эффективную агентурную сеть, действовавшую в интересах России как в Закавказье, так и в Иране и Турции. Приезд его в Астрахань в правительственных кругах России связывали также с осуществлением, выдвинутой еще Петром I программы походов в прикаспийские области. Участие Суворова планировалось и в организации похода на Тбилиси, и в последующем на Решт (Персия), и на Константинополь.

Активизация усилий России на Кавказе была обусловлена тем, что Российское государство было уже достаточно сильным, чтобы противостоять угрозам как дипломатическим, так и реальным военным со стороны Турции и Ирана. Более того, в регионе оно само начинает уже диктовать условия военно-политического характера и определять «правила поведения» сопредельным государствам. Так, в частности, Г.А. Потемкин в секретном письме А.В. Суворову, написанном в 1780 году, следующим образом объяснял причину очередного похода в Прикаспий: «...часто повторяемые дерзости ханов, владеющих по берегам Каспийского моря, решились, наконец, ее Императорское Величество усмирить оных силою оружия» [6].

Начало реализации военно-политических интересов России на Кавказе на данном этапе положила победа в войне с Турцией 1768 – 1774 годов и подписание Россией Кючук-Кайнарджийского договора, в результате которого Турция потеряла, а Россия приобрела 2495 кв. км территории [33, 20].

Кючук-Кайнарджийский мир фактически открыл Черное море для русской торговли, расширил хозяйственные возможности для освоения южнорусских территорий. Российская империя обрела Керчь, Еникале, Кинбурн, земли между Бугом и Днепром, Азов, Кабарду, долины Кубани и Терека, получила право свободного плавания по Черному морю и строительства крепостей на переданных ей территориях. Крымское ханство стало независимым от Турции, что сказалось на его обороноспособности. Кроме того, Петербург обрел право защищать интересы христианских народов Оттоманской Порты [14, 278].

Важнейшим итогом войны стало обеспечение автономии, а затем и присоединение Крымского ханства к России, до этого угрожавшего всему российскому южному флангу. Аннексия

крепости Еникале (на месте современного Новороссийска) определила возможность закрепления России на Черноморском побережье. Вместе с тем, по мнению О.И. Елисеевой, другим важнейшим следствием войны стало то, что «Россия боролась не только за обладание Крымом, но и в более широком смысле – за право вести самостоятельную европейскую и азиатскую политику, не следуя в русле интересов Пруссии, Англии и Франции ... Петербург впервые сам дебютировал роли блокового центра» [15, 2].

Безусловным достижением российской политики стало также ограничение прав Турции на Закавказье. Например, требования ст. 23 Договора обязывали турецкие власти не преследовать христианскую веру, не препятствовать сооружению церквей, предполагали отказ Турции от фактической власти над Западной Грузией, запрещали работоторговлю христианским населением [37, 35].

В целом, вторая русско-турецкая война и ее результаты упрочили положение России в регионе. Путь для нее на Кавказ был открыт. И уже во второй половине XVIII века вопрос о присоединении Закавказья к России как часть общего Восточного вопроса перешел в область практической реализации.

Таким образом, в ходе данного этапа посредством активной военной политики Российское государство смогло реализовать свои жизненно важные интересы: была отведена военная угроза не только от важнейших центров страны, но и от ее южных провинций, что позволило более эффективно использовать их в экономическом отношении; победоносные войны России подтвердили ее статус мировой державы и создали предпосылки для нейтрализации уже не только источников военной опасности в регионе для Российского государства, но и в целом противодействия его политике со стороны как региональных государств, так и ведущих европейских держав.

Особым этапом в реализации интересов России на Кавказе стало последовавшее после смерти Екатерины II четырехлетнее правление Павла I. В этот период направленность и содержание политики Российского государства стали прямо противоположными тому, что делалось и на что направлялись усилия государства при Екатерине II. Не стала исключением в этом плане и кавказская политика.

Одним из своих первых указов Павел I отзывает войска, направленные Екатериной II против Ирана после взятия и разграбления Ага-ханом Каджарским Тбилиси в 1795 году. Вопреки правилу Екатерины – «не участвовать в европейских конфликтах» (и самой, не допускавшей никакого вмешательства в российскую политику) – Павел отправляет войска в Италию против Наполеона. В конечном итоге император Павел заключает первый в истории России союзный договор с Турцией, направленный против бывшего своего союзника Англии. Аналогичным же образом, принимает ряд других волонтаристских решений и реализует их на практике. Например, апофеозом военно-политической деятельности Павла I стало направление всего Войска Донского (по настоянию Наполеона) по Оренбургским степям для завоевания Индии. Поход, стоивший жизни почти половине его участников, бесславно закончился лишь со смертью самого Павла. Естественно, о реализации екатерининского «греческого проекта» в этот период не могло уже быть и речи.

Всеми названными выше действиями императора, крайне непоследовательными и опрометчивыми интересам России, ее престижу в целом и на Кавказе в частности, был нанесен значительный ущерб. Более того, интересы России вследствие сложившихся обстоятельств не могли не изменить своего содержания. И даже последующая акция русского двора – направление отряда полковника В. Зубова для защиты Тбилиси от повторного нашествия Ага-хана Каджара и возможных набегов со стороны горцев, а также восстановление российского протектората по условиям Георгиевского трактата (1783 года) – означали на практике лишь обеспечение военной безопасности Грузии, но нисколько не упрочивали положение самой России на Кавказе.

Политику России в регионе, ее интересы определяла уже в большей степени внешнеполитическая и, особенно, внутривластная обстановка в Грузии. В первую очередь это касается обстановки в Картли и Кахетии, где со смертью царя Георгия XII обострилась борьба за престол между многочисленными преемниками как самого Георгия XII, так и ранее правившего Ираклия II. На фоне этой борьбы активизировалась антироссийская политика Турции и Персии, поощряемых к этому Великобританией и Францией, цель которых состояла в вытеснении России из Закавказья, с последующей реализацией своих собственных экономических и политических планов [21, 307].

В этом плане особым событием, предопределившим дальнейшую политику России на Кавказе, явилось присоединение восточно-грузинского царства Картли и Кахетии. Решение о его включении в состав Российской империи было принято Павлом I по ходатайству последнего царя Картли и Кахетии Георгия XII. Это было далеко неоднозначное и едва ли обоснованное решение. Более того, оно противоречило традициям кавказской политики России – невмешательства во внутренние дела сопредельных народов и государств. Как отметил по этому поводу в одном из своих последних интервью Л.Н. Гумилев: «Долгое время первые Романовы – Михаил, Алексей, даже Петр – не хотели принимать Грузию, брать на себя такую обузу. Только сумасшедший Павел дал себя уговорить Георгию XII и включил Грузию в состав Российской империи» [11].

Государственный переворот в Петербурге в марте 1801 года отложил практическое решение этого вопроса. Но уже летом того же года он вновь стал актуальным для руководства России. Новый же император Александр I не решился единолично принимать решение по такому сложному вопросу и вынес его на обсуждение Государственного Совета.

8 августа 1801 года Государственный Совет, обсудив вопрос о присоединении Грузии к России, отметил, что «присоединение Грузии к России послужит совершенным спасением первой от гибели ... Россия же сим приобретением не только найдет в нем все пользы ... но сохранит свое достоинство, не уступая от учиненного ею подвига во всех Грузии сопредельных народах, во всей Азии и даже во всей Европе ...» [2, 45]. Точку зрения военной целесообразности присоединения Грузии отстаивал генерал И.П. Лазарев, полагавший, что в противном случае Грузия неминуемо будет поглощена Турцией или Персией, границы которых в таком случае придвинутся к жизненным центрам России [17, 39]. Заключение Совета о присоединении Грузии не было единодушным. В частности, граф С.Р. Воронцов, считал, что расширение границ России «коих великое пространство и так уже изнурительных способов к их защите требует, что не находит также сие присоединение справедливым ... Он полагает сохранить Грузию в вассальстве, в котором покойною императрицею Екатериной II принята была» [2, 46]. Тем не менее, Александр I все же решился на присоединение Грузии к Российской империи, предварительно уполномочив исследовать реакцию общественного мнения на данный акт в самой Грузии. Реакция оказалась положительной.

Не будет преувеличением отметить, что данный политический акт явился логическим продолжением одновременно и политики Екатерины II, и Павла I при всей их, казалось бы, противоречивости. Более того, очевидно, что решение о присоединении Грузии стало той «точкой бифуркации», которая в дальнейшем уже определяла всю политику России на Кавказе. В последующем стало также очевидным, что присоединение одной лишь провинции в регионе зовет потребность в присоединении других, сопредельных территорий, их защите, освоение и покорение, как это и получилось на практике с территорией Северного Кавказа.

Выводы

Присоединение других территорий Грузии было предпринято и сопровождалось целой серией русско-турецких и русско-персидских войн. Каждая последующая война (с Турцией в 1806 – 1812 годы, 1828 – 1829 годы; с Ираном – в 1804 – 1813 годах, 1826 – 1828 годах) заканчивались территориальными приобретениями России на Кавказе, являвшимися, в свою очередь, поводом для реванша со стороны Ирана и Турции и последующих войн. Так, в 1803 году к России были присоединены Имеретия и Мингрелия, в 1810 году – Абхазия и Гурия. С 1813

года по Гюлистанскому договору в состав России вошли районы Восточной Армении, Карабахское и Гянджинское ханства. В ходе войны с Турцией (в 1828 году) Россией были завоеваны территории Ахалцихского и Карсского пашалыков. А по итогам последней русско-иранской войны (1828 год) – Талышское и Ленкоранское ханства. Последним же приобретением России на Кавказе явилось присоединение Аджарии в 1878 году.

Примечание

¹ Сейчас на месте города расположена станица Тамань. Прим. автора

² Владения этого князя были расположены на реке Тюмени, впадающей в Терек.

³ Наиб (по-арабски – заместитель, уполномоченный, наместник). В толковом словаре живого великорусского языка В. Даля коротко написано: «род старшинского званья на Кавказе». Прим. автора.

Библиография

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Т.1. С.179-181.
2. Агаян Д.П. Россия в судьбах армян и Армении. М.: Арм. инс-т политологии и межд.права, 1994. С. 45.
3. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С.А. Белокуровым. Вып. 1, 1517 – 1613. М.,1889. С. XVIII.
4. Бочарников И.В. У истоков российской государственности. Великий князь Киевский Игорь - первый Рюрикович // Человеческий капитал. 2018. № 9 (117). С. 9-19.
5. Бочарников И.В. Северо-кавказский регион: проблемы и перспективы реализации государственной политики России // Международные отношения. 2012. № 1. С. 36-45.
6. Бочарников И.В. Князь Потёмкин Григорий Александрович. У него была смелость в сердце, смелость в уме, смелость в душе //Человеческий капитал. 2020. № 3 (135). С. 11-31.
7. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1830 гг. СПб., 1869.
8. Бушуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России. М., 1955. С 59.
9. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.
10. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989.
11. Гумилев Л.Н. Меня называют евразийцем //Наш современник. 1991. № 1. С. 140.
12. Демир Шакир, Сотавов М.Н. Шамхал Адиль-Гирей в кавказской политике Петра I: феномен сотрудничества и противостояния. <https://cyberleninka.ru/article/n/shamhal-adil-girey-v-kavkazskoy-politike-petra-i-fenomen-sotrudnichestva-i-protivostoyaniya>.
13. Добровольческое движение в России: история и современность /Под общ. ред. Д.В. Саблина. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015.
14. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир. М., 1955. С. 278.
15. Елисеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 1995. С.2-3.
16. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т.II. Курс русской истории /Под ред. Б.Л. Янина; Послеслов. и коммент. составили Р.А. Киреева, Е.А. Александрова и Б.Г. Зимина. М.: Мысль, 1989.
17. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1934.
18. Кокиев Г.А. Присоединение Грузии к России //Исторические записки /Отв.ред.Б.Д. Греков. М., Изд-во АН СССР, 1938. Т. 4. С. 39.
19. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.

20. Кунакова К.П. Русско-иранские торговые отношения в конце ХУП – начале ХУШ в. // Исторические записки. / Отв. ред. А.Л.Сидоров. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
21. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966. С. 300.
22. Нота Грузинского посольства. Цагарели А. Грамоты. Т.П. Вып. 2. С.287-288.
23. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
24. Повесть временных лет. Перевод Д.С. Лихачева и О.В. Творогова. СПб.: Нова Вита, 2012.
25. Полиевктов М.А. Материалы по грузино-русским отношениям. Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1937.
26. Полное собрание русских летописей. Т. XIII.
27. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Ставрополь: «Кавказский край», 1994. Т.1.
28. Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития / Бочарников И.В., Овсянникова О.А., Герасимов А.В., Богатырева С.Н. Сборник материалов. Москва, 2014.
29. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в ХУП–ХИХ веках. М.: Соцэгиз, 1958.
30. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн.3 Т.6. История России с древнейших времен. /Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1989. С.586.
31. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991.
32. Сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь. Сунь-цзы. Искусство войны. <http://chugreev.ru/st-sun-czi.html>.
33. Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. СПб., 1898.
34. Тиктопулло Я.Ф. Русско-турецкие войны 1768 – 1774, 1787 – 1791 гг. и судьбы греков. Греческий проект Екатерины II. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
35. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С.32.
36. ЦГАДА, ф. 110. Сношения России с Грузией, 1596–1597 гг. № 1, л. 1–110.
37. Юзефович Т.А. Договоры России с Востоком: политические и торговые СПб., 1869.

ORIGINS AND INITIAL MEANING OF THE CAUCASIAN POLICY OF RUSSIA

DOI: 10.25629/HC.2021.04.01

Bocharnikov I.V.

Moscow State Technical University named after N.E. Bauman

Abstract. The article describes the origins, essence and content of the Caucasian policy of Russia, its main stages, significance for the development of Russian statehood and the peoples of the region. The significance of the Caucasus region for the interests and security of the Russian state was determined by the favorable geopolitical position of the region, which was a natural geographic transit hub, the territory through which for centuries the migration of peoples and entire civilizations from south to north, from west to east and in the opposite direction took place. ... On the other hand, the geostrategic position of the Caucasus itself made it possible for the dominant states in it to control the territories adjacent to the region. This circumstance determined the specifics of the political history of the peoples of the Caucasus. It was the history of wars and armed conflicts between neighboring states for the possession of this region and, accordingly, the history of the struggle of the Caucasian peoples themselves for survival and identity. Objectively, the Russian state was also involved in these processes. From the end of the 15th century, the southern and southeastern borders of the Russian

state were vast steppe areas, along which numerous nomadic peoples constantly moved, bringing death and destruction to Russian cities and villages. “The logic of the struggle made Russia strive to establish stable borders that could be defended. But up to the Caucasus Mountains, the Black and Caspian Seas in the south, there were no such borders”. This predetermined the involvement of the peoples of the Caucasus in a single all-Russian political space and the adoption of measures to ensure the security of Russia from the Caucasus direction.

Key words: Caucasus, Caucasian policy, military-political expansion, relations between Russia and the Caucasian peoples, the Caspian campaign of Peter I, G.A. Potemkin, Catherine II, the Russian Empire, the entry of Georgia into Russia, the establishment of Russia in the Caucasus.

References

1. *Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. 1. P. 179-181. In Rus.
2. Agayan D.P. *Rossiya v sud'bach arмян i Armenii* [Russia in the fate of Armenians and Armenia]. Moscow: Arm. Institute of Political Science and International Law, 1994, p. 45.
3. Belokurov S.A. *Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechennye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del S.A. Belokurovym*. [Relations between Russia and the Caucasus: Materials extracted from the Moscow main archive of the Ministry of Foreign Affairs S.A. Belokurov]. Issue 1, 1517 - 1613. Moscow, 1889. P. XVIII.
4. Bocharnikov I.V. [At the origins of Russian statehood. The Grand Duke of Kiev Igor - the first Rurikovich]. *Chelovecheskii kapital*. 2018. No 9 (117). P. 9-19. In Rus.
5. Bocharnikov I.V. [North Caucasian Region: Problems and Prospects for the Implementation of Russian State Policy]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2012. No 1. P. 36-45. In Rus.
6. Bocharnikov I.V. [Prince Potemkin Grigory Alexandrovich. He had courage in his heart, courage in his mind, courage in his soul]. *Chelovecheskii kapital*. 2020. No 3 (135). P. 11-31. In Rus.
7. Butkov P.G. *Materialy dlya novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1830 gg.* [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1830]. St. Petersburg., 1869.
8. Bushuev S.K. *Iz istorii vneshnepoliticheskikh otnoshenii v period prisoedineniya Kavkaza k Rossii* [From the history of foreign policy relations during the accession of the Caucasus to Russia]. Moscow, 1955. P. 59.
9. Grekov B.D. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Moscow, 1953.
10. Gumilev L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Russia and the Great Steppe]. Moscow: Mysl', 1989.
11. Gumilev L.N. [They call me a Eurasian]. *Nash sovremennik*. 1991. No 1. P. 140. In Rus.
12. Demir Shakir, Sotavov M.N. *Shamkhal Adil'-Girei v kavkazskoi politike Petra I: fenomen sotrudnichestva i protivostoyaniya* [Shamkhal Adil'-Girey in the Caucasian policy of Peter I: the phenomenon of cooperation and opposition]. <https://cyberleninka.ru/article/n/shamkhal-adil-girey-v-kavkazskoy-politike-petra-i-fenomen-sotrudnichestva-i-protivostoyaniya>.
13. *Dobrovol'cheskoe dvizhenie v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Volunteer movement in Russia: history and modernity]. D.V. Sablin (ed.). Moscow: “Ekon-Inform” Publ., 2015.
14. Druzhinina E. I. *Kyuchuk-Kainardzhiiskii mir* [Kuchuk-Kainardzhiyskiy world]. Moscow, 1955. P. 278.
15. Eliseeva O.I. *Perepiska Ekateriny II i G.A. Potemkina perioda vtoroi russko-turetskoi voyny 1787 – 1791 gg.* Avtoref. dis. ... kand.ist.nauk [Correspondence between Catherine II and G.A. Potemkin during the second Russian-Turkish war of 1787 - 1791. Dis. ... cand. of Historical Sci. thesis]. Moscow, 1995. P. 2-3.
16. Klyuchevskii V.O. *Sochineniya: v 9 t. T.II. Kurs russkoi istorii* [Works: in 9 volumes. Vol. II. Course of Russian history]. Moscow: Mysl', 1989.

17. Kinyapina N.S., Bliiev M.M., Degoev V.V. Kavkaz i Srednyaya Aziya vo vneshnei politike Rossii. Vtoraya polovina XVIII – 80-e gody XIX veka [Caucasus and Central Asia in the foreign policy of Russia. Second half of the 18th - 80s of the 19th century]. Moscow: Moscow State University Publ., 1934.
18. Kokiev G.A. Prisoedinenie Gruzii k Rossii // *Istoricheskie zapiski* [Accession of Georgia to Russia // *Historical Notes*]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938. Vol. 4. P. 39.
19. Kornilov A.A. *Kurs istorii Rossii XIX veka* [Course of the history of Russia in the XIX century]. Moscow: Higher school, 1993.
20. Kunakova K.P. Russko-iranskie torgovye otnosheniya v kontse XYII – nachale XYIII v. // *Istoricheskie zapiski*. [Russian-Iranian trade relations in the late XYII - early XYIII centuries // *Historical Notes*]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956.
21. Markova O.P. *Rossiia, Zakavkaz'e i mezhdunarodnye otnosheniya v XVIII veke* [Russia, Transcaucasia and International Relations in the 18th Century]. Moscow: Nauka, 1966. P. 300.
22. Nota Gruzinskogo posol'stva Tsagareli A. [Note from the Georgian Embassy; Tsagareli A.]. *Gramoty*. Vol. II. Issue 2. P.287-288.
23. Pashuto V.T. *Vneshnyaya politika Drevnei Rusi* [Foreign policy of Ancient Russia]. Moscow, 1968.
24. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Nova Vita, 2012.
25. Polievktov M.A. *Materialy po gruzino-russkim otnosheniyam* [Materials on Georgian-Russian relations]. Tbilisi State Publishing House un-ty, 1937.
26. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. XIII.
27. Potto V.A. *Kavkazskaya voina: V 5 t.* [Caucasian War: In 5 volumes.]. Stavropol: “Kavkazskii krai”, 1994. Vol. 1.
28. Bocharnikov I.V., Ovsyannikova O.A., Gerasimov A.V., Bogatyreva S.N. *Rossiiskii patriotizm: osnovy i prioritetye napravleniya razvitiya. Sbornik materialov* [Russian patriotism: foundations and priority directions of development. Collection of materials]. Moscow, 2014.
29. Smirnov N.A. *Politika Rossii na Kavkaze v XYI–XIX vekakh* [Russian policy in the Caucasus in the XYI – XIX centuries]. Moscow: Sotsegiz, 1958.
30. Solov'ev S.M. *Sochineniya: V 18 kn. Kn.3 T.6. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* [Works: In 18 vol. Book 3. Vol. 6. History of Russia since ancient times]. Moscow: Mysl', 1989. P. 586.
31. Sotavov N.A. *Severnyi Kavkaz v russko-iranskikh i russko-turetskikh otnosheniyakh v XVIII v.* [The North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century]. Moscow, 1991.
32. *Sto raz srazit'sya i sto raz pobedit' – eto ne luchshee iz luchshego; luchshee iz luchshe-go – pokorit' chuzhuyu armiyu, ne srazhayas'.* Sun'-tszy *Iskusstvo voiny* [Fighting a hundred times and winning a hundred times is not the best of the best; the best of the best is to conquer someone else's army without fighting. Sun Tzu The Art of War]. <http://chugreev.ru/st-sun-czi.html>.
33. Sukhotin N.N. *Voina v istorii russkogo mira* [War in the history of the Russian world]. St. Petersburg, 1898.
34. Tiktopullo Ya.F. *Russko-turetskie voiny 1768–1774, 1787–1791 gg. i sud'by grekov. Grecheskii proekt Ekateriny II. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Russian-Turkish wars 1768 - 1774, 1787 - 1791 and the fate of the Greeks. Greek project of Catherine II. Dis. ... cand. hist. sci. thesis]. Moscow, 1991.
35. Fadeev A.V. *Rossiia i Kavkaz pervoi treti XIX veka* [Russia and the Caucasus in the first third of the 19th century]. Moscow: AN SSSR Publ., 1960. P. 32.
36. TsGADA, f. 110. Relations between Russia and Georgia, 1596–1597. No. 1, fol. 1–110.
37. Yuzefovich T.A. *Dogovory Rossii s Vostokom: politicheskie i torgovye* [Treaties of Russia with the East: Political and Trade]. St. Petersburg, 1869.